

ЗАВЕЩАНИЕ

Жора Харакс

ЖОРА ХАРАКС

Завещание

<https://litres.ru/74665539>

SelfPub; 2026

Аннотация

Мёртвый заговорил. А утром в запёртом архиве нашли убитого хранителя и пустой пакет, в котором должно было лежать завещание миллионера Симы Бобовича.

Евпатория, 1912 год. Старые кенасы, соляные озёра, узкие переулки, где все знают чужие тайны, но никто не желает быть свидетелем. Похищенный документ грозит разрушить состояния влиятельных людей. На месте преступления появляется знак трёх разомкнутых колец. Ночью слышат голос умершего дервиша, у Мойнакского озера следы обрываются в воде, а в старинном зеркале возникает женщина из прошлого.

Сыщики Коткевич и Кузьмич ищут убийцу среди тех, кто привык покупать молчание. Но чем ближе разгадка, тем страшнее вопрос: что, если проклятие придумано человеком — а не всё необъяснимое придумал он?

Каждая улика опаснее предыдущей: за правду здесь платят работой, честью и иногда жизнью.

****Убийцу можно изобличить. Но кто трижды стучит в пустом архиве?***

ЖОРА ХАРАКС

Завещание

ЖОРА ХАРАКС

КРЫМСКИЙ СЫСК. ДЕЛА КОТКЕВИЧА И КУЗЬМИ-

ЧА

ЗАВЕЩАНИЕ

Пролог, главы 1–24 и эпилог · Художественная редакция

III · иллюстрированная версия

ПРОЛОГ

ТРИ УДАРА

Евпатория. 19 сентября 1912 года. Вечер.

В первый раз мёртвый постучал, когда Элиазар Берекет проверял узел.

Он не сразу поднял голову. За шестьдесят четыре года Элиазар Исаакович понял: если пугаться каждого ночного стука, бумаги так и останутся без описи. А нынешняя работа требовала особенного внимания. Ничего похожего за двадцать лет службы он ещё не встречал.

На столе лежала полотняная тесёмка. Она стягивала папку тугим узлом, какие вяжут люди, не вполне доверяющие замкам. Берекет когда-то перевязал пакет сам. Он помнил не движение пальцев — за жизнь пальцы сделали достаточно узлов, — а мелочь: свободный конец шёл вправо, к выцветшей букве «Б». Теперь он торчал слева.

Берекет отложил очки и прислушался.

Три удара донеслись из-за стены, разделявшей архивную комнату и хозяйственный проход. Не громко, словно кто-то осторожно пробовал, выдержит ли камень костяшки пальцев.

— Саул? — спросил хранитель.

Сторожа звали Саулом. Старик редко являлся после захода солнца без надобности, зато всегда с надобностью заводил продолжительный разговор о погоде. В Евпатории погода вела себя скучно, поэтому разговоры бывали особенно длинные.

Никто не ответил.

Берекет наклонил лампу ниже. Свет пролёг по столешнице, высветив тёмные царапины. На папке, кроме тесёмки, имелся плотный серый ярлык. Его прокалывали в двух местах, там, где шла нить. Прежде верхний прокол располагался близко к букве «р» в слове «раздельное». Теперь прокол приходился на промежуток между словами. Бумагу не могли передвинуть без следа: ярлык был пришит.

На странице от двенадцатого сентября он прочитал: «Узел старый, правый конец к Б.; две дырки: первая на р. Целость снаружи налицо». Тогда запись казалась лишней. Берекет заносил такие подробности для себя: служебная опись не предусматривала того, что ежедневно замечал глаз хранителя.

Из-за стены снова слышался звук. На этот раз один удар, потом два.

Элиазар Исаакович взял перо. На чистом листе он вывел: «Настоящим считаю необходимым известить о возможной подмене переданного на хранение частного пакета...»

Он остановился.

Слово «возможной» позволяло сохранить честь человеку, который совершил ошибку. Слово «подмене» уже не позволяло сделать вид, будто ничего не произошло.

Пахло ночной сыростью. Соль, въевшаяся в старые камни города, иногда проступала белой пылью в узких швах пола. Но сегодня запах был иной — острый, свежий, как от мокрых мешков, доставленных с промысла. Он ещё подумал об этом,

не связывая запах с ударами.

В хозяйственном проходе раздалось шипение. Потом чужой голос произнёс негромко, отчётливо:

Он слышал эту интонацию лет тридцать назад, когда ещё служил младшим конторщиком и плохо различал просьбу и приказ. Человек, которому принадлежал голос, давно умер. Берекет стоял у дверей на его похоронах и почему-то запомнил белую трещину на глиняном кувшине с водой.

Старик выронил перо. Не из-за слов. Такие слова мог сказать каждый, кому был известен архив. Из-за голоса.

Память не имела права так хорошо сохранять интонацию.

Он сложил только что написанное письмо, но не запечатал. Маленький черновой листок с пометой о проколах убрал в нагрудный карман, а сообщение оставил возле лампы. До утра нужно было поговорить с человеком, последним получившим доступ к бумагам.

Снова тишина. Затем где-то снаружи скрипнула колёсная ступица.

Берекет сам назначил встречу. Не из доверия к посетителю — из нежелания начинать с публичного позора. Иногда он возвращал чужие документы владельцам, не доводя дело до обвинения. На сей раз надеялся поступить так же.

На столе у Берекета оставалась чашка, на дне которой осел густой чай. Он вдруг подумал о Рахили: по пятницам она приносила суп и непременно спрашивала, поел ли он накануне. Старик отвечал не всегда правдиво. В пятницу она

опять рассердится, увидев нетронутую чашку. Ему захотелось, чтобы завтра наступило поскорее.

Снаружи тихо постучали уже в дверь.

— Открыто, — сказал хранитель, хотя дверь была заперта. Потом поднялся и повернул ключ.

На пороге стоял мужчина в тёмном дорожном пальто. Лампа освещала только рукав, мокрый от вечерней росы, и край большого портфеля. Мужчина вошёл, не снимая головного убора.

— Вы просили меня приехать.

— Я просил вас дать объяснение.

— Это иногда одно и то же.

Гость осмотрел комнату. Он не взглянул на железный шкаф; взгляд сразу упал на письмо под лампой.

— Ещё не отправили?

— Пока нет.

— Значит, мы можем договориться.

Берекет почувствовал, что его собственная осторожность вдруг стала опасна. Человек, который пришёл договариваться, не спросил, о чём речь.

— Это не торговля, — сказал он.

Гость приблизился к столу. От его обуви по камню потянулась едва заметная влажная полоса. В полосе поблёскивали крупинки соли.

— Вы знаете, что случится, если этот лист попадёт куда следует?

— Знаю лишь, что случится, если он не попадёт.

— Слишком поздно менять правила, Элиазар Исаакович.

Хранитель посмотрел на руки гостя. Правая была пуста. Левая придерживала портфель. Но у нижнего края пальто что-то тяжёлое стукнуло о деревянную ножку стула. Звук вышел необычный: короткий металлический щелчок и тихий глухой отзвук.

— Верните бумаги, — сказал Берекет. — Завтра мы сообщим, что произошла ошибка. Я даже не потребую объяснений письменно.

— А если я скажу, что никаких бумаг у меня нет?

— Тогда завтра будет не ошибка.

Гость протянул руку к листу. Берекет накрыл его ладонью.

Берекет шагнул к проходу. За дверью был небольшой двор, где по вечерам сидел Саул. Даже если сторож ушёл к воротам, крик могли слышать соседи.

— Отойдите, — сказал хранитель.

Мужчина не отошёл.

— Не надо, — сказал гость, почти с сожалением.

Берекет успел переступить порог. Его нога скользнула по мокрому камню, но он удержался за косяк. Сзади слышался тот самый щелчок металла. Он повернулся не целиком, только головой, словно рассчитывал увидеть вещь, которую можно будет потом точно описать.

Тяжёлый предмет ударил его чуть выше уха.

Пол прошёл навстречу медленно. Берекет увидел стык ка-

менных плит, чёрную щель, несколько крупинок белой соли. Потом возникла удивительно ясная мысль: он не успел поправить в сообщении слово «возможной».

Мужчина нагнулся, вынул из комнаты письмо и что-то ещё, лежавшее возле него. Металл скребнул по каменному порогу. Далеко за стеной тихонько пропел чужой, мёртвый голос — уже без слов, на одной ноте.

Потом стихло всё.

ГЛАВА ПЕРВАЯ

КРОВЬ НА МРАМОРЕ

20–21 сентября 1912 года

— Для привидения место неподходящее, — сказал Кузьмич. — Днём здесь каждый след виден.

Коткевич стоял у каменного порога. Солнце выхватило из белой стены розоватые пятна крови. У дальних ворот люди отводили глаза, но стоило кому-нибудь произнести «проклятие», как все смотрели в одну сторону.

Судебный следователь Евпаторийского участка Иван Евграфович Добрянский был человеком невысоким и внимательным. Утром он успел провести первичный осмотр, распорядиться о врачебном исследовании тела и удалить случайных зрителей. Теперь показывал двум прибывшим из других мест сыщикам записанное, ни разу не сказав, что рад их присутствию. При этом из подробности, с которой он объяснял устройство дверей, следовало обратное.

— Смерть, по предварительному мнению врача, последовала от тяжёлого удара по голове. Один удар мы можем предполагать уверенно, но утверждать, что второго не было, рано. Предмет не найден. Порог отмывать не разрешал. Тут, как видите, сухая кровь; а ближе к двери было влажно. Сторож утверждает, что здесь никто не ходил после вечернего закрытия.

— Кроме человека, который пришёл, — заметил Кузьмич.

— Именно его я и ищу.

— Значит, нас трое.

Коткевич присел возле порога. Камень под ногами был стёрт так, что выделявшаяся на нём царапина казалась моложе самого двора. Следовательно указал на отметку мелом.

— Здесь лежала голова. Ноги — к архивной комнате. Нагрудный карман выворачивали. Бумаг при теле не оказалось; были ли они, пока не знаем.

— Были, — сказал Коткевич.

Добрянский поднял брови.

— Вы уже знаете?

— У человека, который хранит чужие бумаги, в кармане могли быть записи. Но это предположение.

— Тогда прошу не произносить его голосом приговора. У нас в городе этого голоса и без того хватает.

Кузьмич нагнулся. Он был коренаст, одет несколько проще Коткевича и умел перемещаться по незнакомому дому

так, словно пришёл чинить здесь печь. Пошевелил носком сапога воздух над белёсой полоской, не касаясь её.

— А вот это наше или вчерашнее?

— Что именно?

— Соль. Мелкий песок, пыль от мешка. Тут и вчера было? Добрянский сверился с записью.

— Да. Сторож говорил, что по ночам в этих местах соль проступает сама.

— Проступить могла. Только она не ходит от двери к порогу такими ровными дорожками.

— Дождя не было, — сказал следователь.

— Не было. Росы хватало. А если принесли мокрые мешки, так и вовсе мокро будет.

Коткевич спросил, кто первым нашёл тело.

— Саул Моисеевич, сторож. Я его задержал здесь по вашей просьбе. Старик напуган, но отвечает внятно. Вчера он слышал стук.

— Сколько раз?

— Говорит, три. Потом голос.

— Чей?

Добрянский выдержал паузу.

— Умершего человека.

Кузьмич тихо присвистнул.

— Нам повезло, Станислав Михайлович. В иных делах мы месяцами ищем свидетеля, а здесь уже покойники показания дают.

— Только вот записать их будет трудно, — ответил Коткевич. — Пусть сторож расскажет от начала до конца. Не спрашивайте сразу, чей был голос.

Добрянский отвёл Коткевича в сторону и показал в черновике протокола неровную строку: Саул сначала сказал «услышал из стены», затем попросил записать «из прохода». Следователь оба выражения оставил с оговоркой. — Его уверенность растёт каждый раз, когда рядом появляется слушатель, — пояснил он. — А вот направление звука он определяет всё хуже. Коткевич попросил не исправлять первое свидетельство задним числом.

Евпаторию Коткевич помнил по морскому ветру, белым стенам и неудобству, с каким здесь соседствовали новые улицы и старые дворы. От одного дома тянуло свежим хлебом, за другими воротами звенело ведро о каменный колодец. Город привык жить многими языками и не торопился объяснять себя приезжим.

У ворот уже обсуждали то, что якобы знали о покойном Берекете. Один человек уверял, что за семь дней до убийства старик перестал выходить к вечернему чаю. Другой утверждал, что видел его ещё вчера на рынке. Женщина в тёмном платке сказала, что завешание проклято, и тут же добавила, что лично никакого завешания не видела.

— До чего честный свидетель, — заметил Кузьмич. — Не видел, так и говорит.

Саул Моисеевич ждал их в небольшом помещении возле

выхода. На коленях у него лежала снятая шапка, которую он то разглаживал, то сжимал. Кузьмич прежде всего спросил, не хочет ли он воды. Старик испугался вопроса сильнее, чем появления сыщиков.

— Я не болен.

— Я тоже. А пить всё-таки хочется.

Они выпили по глотку, и Саул рассказал.

Вчера вечером он обходил двор. В архиве горела лампа. Элиазар Исаакович попросил его не уходить далеко: ожидался посетитель. Кто именно — не сказал. Позднее со стороны хозяйственных комнат донеслись три удара. Саул решил, что где-то закрывают ставню. Потом зазвучал голос. Он был глубокий, как у старого учителя пения, который когда-то жил поблизости.

— Вы узнали его? — спросил Коткевич.

— Я подумал, что узнал.

— А спустя минуту?

— Спустя минуту уже знал, что подумал правильно.

— Это разные вещи, — сказал Коткевич.

— Вчера я и сам так думал, — ответил сторож. — Сегодня не знаю.

Он слышал шаги, затем скрежет. Потом к воротам подъехала повозка, но Саул не видел ни лица, ни лошади: выходил из другой части двора. Когда вернулся, лампа в архивной комнате уже не горела. Вход был заперт. Он решил, что Берекет ушёл через соседнюю дверь и велел не тревожить его

до утра. Тело у порога он заметил только при первом обходе после рассвета. В полумраке оно напоминало оставленный большой свёрток.

— Почему вы решили, что он ушёл, если ему предстояло ждать посетителя? — спросил Коткевич.

— Я видел возле ворот колесо. Подумал, что посетитель приехал и уже уехал.

— Не видели человека, но решили, что встреча состоялась.

Саул кивнул и вдруг разозлился.

— Я виноват, что старик умер, потому что подумал так, а не иначе?

— Нет, — ответил Коткевич. — Но если мы не узнаем, что именно вы думали, мы не узнаем, почему вы не зашли в архив.

Кузьмич поспешил сменить разговор. Он попросил описать колесо: высота, обод, был ли фонарь. Оказалось, Саул видел только часть тёмного круга за воротами. Он не мог сказать даже, ехала ли двуколка на улицу или уже въезжала.

— Хорошо, — сказал Кузьмич. — Значит, не станем покупать колесо к повозке, которой пока нет.

После этого Саул принёс ключи и показал шкаф.

Он стоял в глубине маленькой комнаты, куда утренний свет попадал через решётку. Не было ни бронированных дверей, ни тайных створок. Обыкновенный тяжёлый железный шкаф с двумя полками, замком и выцветшим номером на

боковой стенке. Держать в нём деньги было бы странно, но для бумаг он подходил.

Добрянский уже составил протокол первоначального осмотра; теперь при свидетелях и в предусмотренном порядке предстояло проверить содержимое папки, которую называли завещанием.

Коткевич предупредил Кузьмича:

— Не трогайте перевязь.

— Успею испортить после вас.

Добрянский снял папку с полки и положил на чистый стол. Сургуч на краю ярлыка был неровный, с раковиной возле края оттиска. Тесёмка казалась старой, только середина узла была слишком светлой.

На вопрос, давно ли лежит свёрток, Саул ответить не сумел. Этим ведал Берекет.

Рядом находился реестр. Под датой двенадцатого сентября стояли фамилии присутствовавших при осмотре и короткая помета: «Пакет наличествует; печать без повреждения». Подпись хранителя, Ширина и ещё одна, размашистая, принадлежала Андрею Павловичу Ратманову.

Коткевич попросил показать запись, по которой семье разрешалось хранить здесь частные бумаги. Добрянский открыл нужную страницу.

— Сразу предупреждаю, — сказал следователь, — это не дело о государственном архиве. Семья передала документы на хранение по отдельной записи. Если в папке недостаёт ли-

стов, может возникнуть вопрос о частном владении, а если они похищены — другое дело.

— Если листов недостаёт, их должен был кто-то вынуть, — заметил Кузьмич.

— Именно к этому мы и приступаем, — сказал Добрянский.

Они развязали тесёмку.

Под серой обложкой лежали нарезанные по размеру листы старой обёрточной бумаги. Ни завещания, ни списка, ни договора. На одном листе виднелось масляное пятно. На другом — слабый след печатной строки, будто бумага прежде служила для упаковки книг.

Саул прикрыл рот ладонью. За окном кто-то коротко вскрикнул; у ворот уже ждали ответа, хотя ещё не знали, какой вопрос задавать.

— Никакого завещания нет, — прошептал сторож.

— Нет в этой папке, — поправил Коткевич.

Кузьмич разглядывал листы на столе. Он взял у Добрянского разрешение проверить обложку, повернул её к свету и показал нижнюю кромку.

— Хотели, чтобы папка весила столько же, сколько прежде. Не знали, сколько именно, так положили бумагу. А то пустой свёрток сразу почувствовали бы в руках.

— Кому-то был известен размер, — произнёс Коткевич.

— И хорошо известна привычка проверять снаружи, — добавил Кузьмич.

На обёртке уцелела ниточка синего переплётного шнура. Кузьмич показал её следователю, который велел отметить находку в протоколе. У двух листов край был обрезан ножом, у третьего — ножницами, четвёртый оказался неровно оторванным.

— Бумагу готовили не на месте, — заметил Кузьмич.

— Это ещё не установлено, — возразил Добрянский.

— Тогда запишите, что края неодинаковые. Потом найдётся человек, который скажет зачем.

Они проверили пустой шкаф, не пытаясь обнаружить в нём чудесный тайник. Задняя стенка прилегалла к каменной кладке; следов свежей работы на поверхности не было. Решётка окна пропускала свет, но не позволяла вынуть даже тонкий свёрток. Кузьмич попросил показать, кто обычно заносил в архив большую конторскую книгу. Оказалось, её приносили через служебную дверь вдвоём, потому что с книгой неудобно было проходить узкий поворот у порога.

— Если бы кто-то тащил отсюда большой ящик, — сказал он, — след остался бы. А папку можно унести в руках и не заметить.

— Не уходите слишком далеко от того, что наблюдали, — предупредил Коткевич.

— Так я и стою на месте, — ответил Кузьмич. — Это вы всё время хотите идти через стену.

Добрянский напомнил: первоначальный протокол уже составлен, и все последующие наблюдения следует записывать

отдельно. Коткевич согласился. Исправленная задним числом подробность бывает опаснее пропущенной.

Добрянский с осторожностью положил обратно каждый лист. Для человека его службы даже бесполезная обёртка уже стала возможным доказательством.

Во двор вошёл молодой служащий с известием: представитель семьи, распорядившейся хранить пакет, просит принять его немедленно. Слово «завещание» прозвучало так громко, что Саул снова побледнел.

Посетитель представился родственником лица, передавшего бумаги. Он называл документы наследственным достоянием, упоминал гахама Бобовича, соляные деньги и какие-то давние обязательства. Но когда Коткевич попросил объяснить, что находится внутри пакета, мужчина смущённо признался: собственноручно он его ни разу не читал.

— Вы не знаете, что исчезло, — сказал Коткевич.

— Я знаю, что это было бесценно.

— Между тем, что вы слышали о ценности бумаг, и тем, что лежало в папке, — разница существенная.

Кузьмич вышел вместе с ним во двор. Здесь белели стены, на лозах зашевелились листья. За воротами продавец фруктов спорил с покупательницей о цене винограда. Для города смерть хранителя ещё не стала причиной прекратить утреннюю жизнь.

Кузьмич спросил у Сауля, часто ли к архиву подъезжали промысловые повозки.

— Сюда? Нет. Да и зачем им?

— Вы говорили, что вчера везли мокрые мешки. Кто вёз? Сторож посмотрел на него непонимающе.

— Я не говорил о мешках.

— Верно. Это я сказал. Хотел проверить, не согласитесь ли вы по доброте.

— Не согласился.

— И правильно сделали. Доброта вредная привычка, когда записывают показания.

Возле порога Кузьмич ещё раз осмотрел белёсые крупинки. Среди них было несколько тёмных, словно размолотая кора. Он не стал собирать их сам: позвал Добрянского, показал место, попросил отметить и изъять образец установленным порядком.

Когда уже собирались уходить, к воротам пришла женщина с корзинкой, прикрытой сложенным полотенцем. Ей сообщили о смерти Берекета, но она, похоже, решила, что произошла какая-то ошибка, которую можно исправить, если говорить достаточно тихо.

— Я ему каждую пятницу приносила суп, — объяснила она Добрянскому. — Сначала после болезни. Потом так и привыкли. Сегодня я принесла, потому что вчера не успела. Некому теперь есть.

Её звали Рахиль. С Элиазаром Исааковичем она не состояла в родстве и знала его дольше, чем некоторых собственных родственников. В городе жили люди, между которыми

родство измерялось не кровью, а числом проведённых вместе зим.

Добрянский предложил ей присесть. Но она попросила посмотреть на каменный порог. Смотрела долго, молча. Затем поставила корзинку в тени стены и осторожно сняла с неё полотенце.

— Вчера вечером он сказал: «Не приноси сегодня, у меня неприятность». Я спросила, заболел ли он. Он ответил, что болезнь проходит от лекарства, а от неправильно поставленной печати лекарств пока не придумали.

— Что именно он обнаружил? — спросил Коткевич.

— Мне не сказал. Берекет Исаакович никогда не выдавал чужой тайны ради разговора. Даже если она уже давно переставала быть тайной.

— Он был встревожен?

Рахиль задумалась.

— Не больше, чем обычно, когда видел плохо переписанное слово. Но оставил чай нетронутым. Вот это меня и обеспокоило. Когда человек всю жизнь бережёт чай, а потом забывает выпить — дело дурное.

Кузьмич спросил о поздних посетителях. Рахиль рассказала, что Берекет не терпел вечерних визитов, но сам звал людей, если ещё надеялся уладить дело. Однажды он уговорил книготорговца вернуть чужую книгу без полиции. После этого пять лет здоровался с ним как ни в чём не бывало.

— Хороший был человек, — сказал Кузьмич.

— Не хороший, — возразила Рахиль. — Упрямый. Но только упрямому человеку чужие бумаги можно оставить на двадцать лет.

Рахиль крепче взялась за ручку корзины, когда Кузьмич протянул руку помочь. Она держала её так, словно ещё могла найти того, кому предназначался суп. Кузьмич не стал настаивать.

Она накрыла корзину полотенцем. Подняв её, остановилась и посмотрела на Коткевича.

— Вы будете искать, кому достанется завещание. А найдите, кто решил, что у старика можно отнять последнее слово.

Коткевич хотел ответить, что следствие не ведётся по указаниям соседей. Но перед ним стояла женщина, которая пришла кормить мёртвого человека, и даже правильная реплика показалась бы жестокостью.

— Постараемся, — сказал он.

Рахиль ушла по дорожке, не оборачиваясь. Кузьмич смотрел вслед, пока за воротами не исчезло светлое полотенце.

— У него, Станислав Михайлович, и без завещания было кому оставить горе, — сказал Кузьмич.

Коткевич не согласился бы с формулировкой. Но запись о последнем вечере Берекета сделал особенно тщательно.

Тем временем Коткевич листал журнал. На последней странице Берекет обычно записывал не содержание бумаг, а движение вещей: кто брал ключ, сколько времени занимал

осмотр, в каком состоянии возвращали папку. В строке от двенадцатого сентября отсутствовало время окончания.

— Почему он не поставил час? — спросил Коткевич у Ширина, уже находившегося поблизости.

Молодой служащий был смугл, гладко выбрит и одет аккуратнее, чем требовала его небольшая должность. На воротнике рубашки заметили свежую нитку: пуговицу пришивали наспех.

— Берекет Исаакович сказал, что запишет сам.

— Но не записал.

— У него в тот день болела голова.

— Кто это подтвердит?

— Я. Я видел.

— Вы подтверждаете своё собственное объяснение. Попробуем найти другое.

Ширин покраснел. Было видно, что он привык подчиняться старому хранителю, но не привык отвечать за его привычки после смерти.

После полудня сыщики вышли к воротам. Добрянский сообщил: горожане уже рассказывают о знаке проклятия у мёртвого хранителя, хотя при осмотре никакого знака не обнаружили.

— Слух успел опередить протокол, — заметил Коткевич.

— Только не записывайте это в протокол, — посоветовал следователь. — Слишком красиво для служебной бумаги.

У дверей собралась небольшая толпа. Разговоры оборва-

лись, когда сыщики появились. Кто-то назвал имя Бобовича с почтением, другой — с опаской. Старая женщина спросила, видели ли они внутри шкафа чёрное кольцо.

— Нет, — ответил Коткевич.

— Значит, его унесли, — уверенно заключила она.

Кузьмич взглянул на неё с уважением.

— Вам, матушка, стоило бы вести сыск. При любом ответе вы оказываетесь правы.

Они отправились в контору временного размещения следственной группы. Добрянский обещал обеспечить доступ к описям и допустить Коткевича к очередным проверкам. Официальное ведение уголовного дела оставалось за ним; это избавляло всех от соблазна путать охоту за истиной с личным правом распоряжаться чужими документами.

Под вечер Коткевич вновь открыл выписку из реестра.

— Ширин смотрел за бумагами, — сказал он. — Берекет отвечал за хранение. Представитель семьи распоряжался доступом. А кто этот Ратманов?

Добрянский ответил не сразу. Он, видимо, успел составить собственное мнение о человеке.

— Управляющий товарищества «Приозёрье». За ним часть соляных дел. В городе его уважают: исправно платит за работу, помогал ремонту дороги, несколько раз жертвовал деньги на городские нужды.

— И бывал в архиве.

— Да. По письменному разрешению.

Кузьмич положил на стол кусочек бумаги, на котором нарисовал дверной порог и две тонкие полосы возле него.

— А я завтра поеду посмотреть, кто привозит в город соль в таких мешках. Самой соли всё равно, добрая она или преступная. А мешку — не совсем.

Коткевич перечитал запись от двенадцатого сентября. Три подписи. Ни одной отметки о том, что содержимое папки сверяли по листам.

Коткевич задержал взгляд на словах «Пакет наличествует». Три подписи удостоверяли присутствие папки. Ни одна строка не говорила, что кто-нибудь пересчитал листы.

В конце строки стояло: «Пакет наличествует».

Под ней размашисто расписался Андрей Павлович Ратманов.

ГЛАВА ВТОРАЯ

СОЛЬ НА ПОРОГЕ

21 сентября 1912 года

Соль в Евпатории была вещью слишком обыкновенной, чтобы сама по себе кого-нибудь изобличать.

Она белела на краях повозок, просыпалась из плохих мешков, оставалась в складках одежды, въедалась в ладони рабочих. Рыбак приносил её с берега; купец — из лавки; господин, не занимавшийся никаким трудом, иной раз привозил столько соли на подошвах после прогулки, что мог бы вполне законно называться промысловиком.

Именно это Кузьмич объяснял Коткевичу по дороге за городской окраиной.

— Значит, она бесполезна? — спросил тот.

— Вы с утра так и норовите что-нибудь вычеркнуть. Бесполезна она, пока мы не узнаем, откуда именно принесли. Песку по всему Крыму много. А если он оказался в сахарнице, я всё-таки спрошу кухарку, где вчера хранила метлу.

Они ехали в открытом экипаже, нанятом за деньги, которые возница счёл недостаточными и получил без возражений. После последнего дождя колея застыла глубокими жёлобами. Справа тянулись низкие дома, дальше открывалась плоская земля, прорезанная дорогами к хозяйственным участкам. Над ними стояло светлое осеннее небо. Чёрное море оставалось за спиной, но ветер иногда приносил его запах, смешанный с пылью и горячей шерстью лошади.

У въезда к промысловым постройкам над дорогой висела деревянная доска с выцветшей надписью «Приозёрье». Рядом помещался небольшой сарай для весов, под навесом лежали мешки, и двое рабочих зашивали грубой иглой прореху в одном из них. Когда экипаж остановился, оба ненадолго замолчали. Потом один продолжил работу, другой пошёл к конторке.

Здесь Кузьмич узнал кое-что, чего не заметил бы человек, привыкший читать одни бумаги. Мешки на низких повозках закрывали парусиной не ради чистоты. Во влажную погоду соль слёживалась и трудно сходила с ткани; сухой же груз

терялся в каждой выбоине дороги. Колёса работали в густой смеси пыли и рапы, и под ними оставались тяжёлые белые разводы.

— Нам нужен человек, который ездил здесь на прошлой неделе и знает ночные дороги, — сказал он приказчику.

— Их тут много.

— Значит, богатое место.

— Богатства, — ответил приказчик, — разные. У одних в карманах, у других на спине.

Он указал на мужчину у дальнего навеса. Тот осматривал колесо маленькой повозки, сидя на корточках. Было ему около тридцати пяти. Под платком, повязанным вокруг шеи, виднелись следы пота и застарелые пятна соли. Руки двигались неторопливо: человек, который много раз видел, как от плохой ступицы рушится вся поездка, не торопится похвалить хорошую.

— Бекир Бекташев, — представился он, поднявшись.

Кузьмич спросил, чем отличаются мешки, доставляемые с разных участков. Бекир охотно объяснил: в одних было больше песчаной примеси, в других — влажного мелкого осадка, в третьих соль крошилась крупными пластинами. Изредка по примеси можно было предположить место погрузки. Но нельзя узнать его с уверенностью, особенно если мешок уже побывал на складе, куда свозили разную соль.

— Значит, по соли одного человека не найти? — спросил Коткевич.

— По соли — нет. По человеку иногда можно, — ответил Бекир. — Кому всё равно, тот насыплет в мешок до самого края. Кто сам потом поднимать станет, тот оставит место для руки.

Кузьмич одобрительно кивнул.

— Наконец человек говорит о деле.

Он показал бумагу со схематическим рисунком найденной у порога примеси. Бекир долго смотрел, потом провёл пальцем возле тёмных точек.

— Это может быть грязь с досок. Такую подмешивает гнилая обшивка, если мешки ставят мокрые. У нас сарай недавно покрывали новой доской, но на старом складе ещё бывает.

— А кто туда ходит?

— Все, кому разрешено.

— Это сколько человек?

— Приказчики, возчики, смотритель, кто за ключом...

— Управляющий?

Бекир вскинул глаза.

— Господин Ратманов может войти куда угодно. Это его дело.

Последние слова прозвучали уважительно, но без тепла. Коткевич уловил это и спросил, хорошо ли управляющий обращается с рабочими.

— Работу даёт.

— Я спрашивал не о работе.

— Без работы и обращаться не с кем.

Кузьмич поспешил перевести разговор. Вечером девятнадцатого сентября по дороге могла идти двуколка. Не слышали ли о такой?

Бекир внезапно согнул большой палец и провёл им по шву рукавицы. Ответил не сразу.

— Двуколки ездят каждый день.

— Вечером, когда темно.

— И вечером.

— Если у какой-нибудь двуколки была необычно перевязана упряжь, вы бы запомнили?

Человек медленно снял рукавицу.

— Я не сказал, что видел.

— И мы не сказали. Я только спрашиваю, запомнили бы.

За спиной Бекира скрипнула дверь конторки. Вышел сухощавый приказчик, на вид молодой, но говоривший с уверенностью хозяина.

— Господин управляющий велел не мешать работе, — объявил он.

— А где господин управляющий? — спросил Коткевич.

— В городе. Его сегодня ждут по коммерческим делам.

— Мы же не мешаем работе, — заметил Кузьмич. — Бекир Бекташев как раз объясняет, каким мешком удобнее переносить соль. А это, согласитесь, важнейшая часть промышленности.

Приказчик не улыбнулся. Бекир тоже.

Через несколько минут Кузьмич попросил возницу отвез-

ти их обратно. Но прежде успел заметить, что на уходящих сыщиков смотрят двое: приказчик и человек возле весового сарая, которому никто никаких вопросов не задавал. Второй не скрывал взгляда. Он словно ожидал, что Кузьмич это увидит.

Уже в экипаже Коткевич сказал:

— Бекташев солгал.

— Не вполне. Он ничего не сказал.

— Он не ответил на простой вопрос.

— Иногда люди не отвечают, потому что у них дома ребёнок.

— Вы знаете, что у него ребёнок?

— Не знаю. Но вопрос стоит проверить прежде, чем объявлять его убийцей.

Коткевич записал: «Бекташев — возможный свидетель ночной перевозки; уклончив». Подумал и добавил: «Причина уклонения неизвестна».

Кузьмич заметил добавление и промолчал. Он не привык хвалить человека за то, что тот воздержался от ошибки.

По дороге обратно их обогнала пустая телега. Кузьмич проводил её взглядом и попросил возницу остановить экипаж у придорожной кузницы. У ворот кузни мастер менял железный обод колеса, а мальчик-подмастерье крутил ручной мех, раздражённо поглядывая на нетерпеливого заказчика.

У кузницы пахло нагретым железом и конским потом.

Кузьмич попросил подмастерье придержать колесо и сам провёл ногтем вдоль свежей заклёпки. Упряжь и колёса, объяснил он Коткевичу, чинят не по предписаниям, а как позволяют деньги. Одинаковые полосы железа бывают на десятках телег; вот неверно поставленная заплата уже может принадлежать одной.

— Здесь часто чинят промысловые двуколки? — спросил Кузьмич.

— Чаще, чем их ломают, — сказал кузнец. — Хозяева считают, что колесо можно починить за одно доброе слово.

— А если оно ломается ночью?

— Ночью ищут того, кто согласится встать. Бывает, платят вдвое.

Кузьмич выпросил, какие дороги хуже всего после дождя. Кузнец рассказал о двух объездах, где мелкий камень режет обод, и показал старую полосу железа с характерными зарубками. При этом ни разу не предложил назвать конкретного владельца: в кузнице не записывали каждый случай, полагаясь на память и доверие.

Когда они уже садились, мастер вдруг окликнул их:

— Тут после девятнадцатого много спрашивают о ночных повозках. Будто все, кто ехал, теперь подозреваемые.

— Кто спрашивает? — поинтересовался Коткевич.

— То одни, то другие. Не представляются. А лошадь, если ей на дороге было страшно, не умеет спросить паспорт.

Кузьмич оставил мастеру имя судебного следователя на

случай, если тот вспомнит что-нибудь точное. Идя к экипажу, он сказал Коткевичу:

— Видите, даже железо хранит дорогу. Только сперва надо знать, какое именно железо мы ищем.

Они не узнали, кому принадлежала ночная двуколка. Зато выяснили, что такую починку делали на разных повозках, и без свидетельств о времени и дороге зарубки на ободе ничего не решали.

В городе они остановились возле лавки, где из печи только что вынули горячие хлебцы. Продавец, толстый человек с белой мукой на рукавах, предложил Кузьмичу попробовать начинку. Тот согласился и спросил, давно ли тут пекут такое.

— Давно. При моём отце пекли, при деде пекли. У правнуков будут, если город не уйдёт в море.

— Разве собирается?

— Говорят, по ночам под землёй стучат.

Продавец произнёс это так же спокойно, как говорил о цене. На крючке у двери висел листок, исписанный крупным неровным почерком. Вверху трижды повторялось одно слово, которое Коткевич сперва принял за имя.

— Откуда бумага?

— С утра. Мальчишка приклеил. Я хотел снять, а покупатели попросили оставить. У нас теперь всякое читают охотнее объявлений о свежем хлебе.

Коткевич снял лист осторожно, придерживая за сухие края. На нём значилось, что «три разомкнутые печати» за-

щищают последнее слово покойного богача и всякий, кто вступится за похитителя, услышит голос из-под земли. Дальше шли слова, якобы переведённые со старинного тюркского наречия. Последняя строка обещала смерть тому, кто нарушит молчание.

— Грамматически страстное сочинение, — заметил Коткевич.

— Значит, писал грамотный злодей, — сказал Кузьмич.

— Не обязательно грамотный.

— Тогда злодей старался.

Среди покупателей нашёлся человек, слышавший, будто то же объявление приклеено на дверях возле мечети Джума-Джами. Другой уверял, что подобные знаки появились у Текие, хотя лично там не проходил. Третья покупательница сообщила о женщине, которая ночью стояла у озера и не оставляла следов. Пока Коткевич дошёл до конца листа, слухи успели превратить один испачканный клочок бумаги в целую древнюю религию.

— Нужно установить, кто напечатал или написал это, — сказал он.

— А ещё, — прибавил Кузьмич, — кому хотелось, чтобы оно висело именно здесь, где люди заходят каждый день за хлебом.

С этого замечания и началась их встреча с Алиме Сейдалиевой.

Её привела Ривка Левина — молодая девушка с корот-

ко подстриженными ногтями, испачканными типографской краской. Ривка услышала, что сыщики разыскивают человека, способного разобрать фальшивые старинные слова, и заявила, что ей нужно показать листок преподавательнице. Судя по тому, как настойчиво она говорила, девушка сама надеялась получить право пересказать историю в газете.

Алиме вошла в маленькую комнату при типографии, поставила на стул корзинку с книгами и сразу попросила не показывать ей «древний знак» как доказательство чего бы то ни было.

— Я ещё ничего не говорил о доказательстве, — заметил Коткевич.

— Зато ваша спутница сказала.

— Не спутница, — возразила Ривка. — Я привела вас.

— Тем более.

Алиме была женщиной с внимательными серыми глазами и спокойной манерой говорить, которая иногда принималась собеседниками за согласие. Она посмотрела объявление у окна и на некоторое время замолчала. Ривка первой не выдержала.

— Ну что?

— Сначала объясните, откуда взяли «древнее тюркское наречие».

— Так подписано.

— Я вижу. Если на заборе написать, что он римский, камень от этого не появится.

Кузьмич кашлянул, пряча улыбку.

Алиме показала две фразы. Одна была составлена из слов разных времён и местностей, другая употребляла форму, невозможную в том смысле, который приписывал ей автор объявления. Она не называла неизвестную традицию ложью — только объясняла, что конкретный текст не похож на естественную передачу старого предания.

— Может быть, это плохо перевели? — спросил Коткевич.

— Может быть. Но плохой перевод сам по себе не превращается в хороший источник. Надо найти исходный текст. Без него это только чьи-то слова на бумаге.

— Кто мог написать?

— Человек, который слышал несколько похожих выражений и решил, что остальные можно придумать. Или человек, которому специально нужны были ошибки, чтобы направить вас к неверным людям.

— То есть?

— Если хотите, чтобы город поверил в страшную тайну, достаточно написать непонятно и назвать это древностью. Но кто именно хочет, я не знаю.

Ривка поинтересовалась, можно ли напечатать её объяснение.

— Можно, если вы точно передадите, что я сказала.

— Я так и сделаю.

Алиме посмотрела на её испачканные краской пальцы.

— Вы вчера исправили в объявлении фамилию купца, чтобы не обидеть его. Надеюсь, чужие слова вам так же дороги.

Ривка покраснела. Коткевич заметил это с интересом. У девушки была редкая способность совмещать искреннее желание справедливости с любовью к громкому заголовку.

После разговора Алиме вышла во двор и увидела у ворот двоих незнакомых мужчин. Один делал вид, что рассматривает вывеску, другой ждал возле извозчика. Когда она посмотрела на них прямо, оба отвернулись.

— Вы их знаете? — спросил Кузьмич, догнав её.

— Нет. Но они ждут не хлеба.

— Почему?

— Возле хлебной лавки люди смотрят на хлеб.

Кузьмич проводил её взглядом и вернулся к Коткевичу. В конторке печатник рассказывал, что похожие листки появились ночью у трёх торговых мест, причём бумага на них была разного качества.

— Кто-то проверяет, где страшнее всего, — сказал Кузьмич.

— Или заставляет нас проверить три разных места, — отозвался Коткевич.

На верстаке лежали наборные кассы, литера на полоске бумаги, тяжёлый валик и деревянные клинья. Ривка провела ладонью над беспорядком, не касаясь ни одной буквы: у вещей было место, которое знала только она.

— Здесь все буквы хранятся отдельно, — сказала она. — Если наборщик ошибётся, ошибку можно повторить хоть сто раз. Это самое неприятное достоинство печати.

Она достала маленький листок с одинаковыми словами, отпечатанными дважды. В одном слове буква стояла чуть выше строки. На втором оттиске — там же.

— Значит, было одно клише, — заметил Коткевич.

— Или один набор, — поправила Ривка. — А если разобрать и собрать вновь, зазор почти наверняка изменится. Так можно понять, печатали ли объявления одним разом или их выпускали позднее, когда старый набор уже рассыпали.

Кузьмич посмотрел на испачканную краской ладонь де-вушки.

— Когда-нибудь вам дадут настоящую газету.

— Я сама её сделаю.

— Тогда берегитесь людей, которым нужны слишком хорошие заголовки.

— Что плохого в хорошем заголовке?

— То, что его иногда пишут прежде, чем узнают, что произошло.

Ривка промолчала. Отец, работавший у дальней кассы, не поднимал головы. По едва заметной улыбке было видно: он не раз говорил дочери почти то же самое.

За дверью работал мальчик-подмастерье. Он чистил наборные кассы щёткой и прислушивался. Коткевич заметил это и спросил, видел ли мальчик человека, оставлявшего но-

чью листки у лавок. Подмастерье честно сказал, что вечером носил бумаги заказчикам, но за чужими объявлениями не следил. Зато он помнил, что двое незнакомцев накануне просили продать отдельно несколько листов бумаги без всякой печати.

— Каких? — спросил Коткевич.

— Простых. Не лучших. Им всё равно было.

— Запомнил лица?

— Один высокий, другой в кепке. А высоких у нас на рынке много, — добавил мальчик.

— Правильно, — сказал Кузьмич. — Лучше десять раз сказать «не знаю», чем один раз назвать первого попавшегося высокого.

За дверью конторы звякнула монета. Ривка уже хотела бежать к кассе, но остановилась и посмотрела на объявление с псевдодревними словами.

— Почему вы уверены, что это сделано для запугивания? Может быть, какой-нибудь шутник?

Алиме закрыла корзину с книгами.

— Шутка заканчивается там, где человеку советуют молчать о смерти другого человека.

Ривка опустила объявление. Уже придуманный заголовок вдруг показался ей не таким удачным.

Вечером они пошли к дому, где жил Бекир. Адрес сообщил старый возчик, не скрывая, что человек беден и хочет прежде всего сохранить место. Домик стоял в узком пере-

улке. У порога мальчик лет девяти чинил кожаный ремень маленькой деревянной повозки. Когда сыщики подошли, он поднял голову.

— Отец дома?

— На работе.

— Ты его сын?

— Юсуф.

Кузьмич присел рядом с мальчиком.

На ладонях мальчика чернела старая смола. Он старался пропустить ремешок через выщербленное отверстие так, чтобы держалось и колесо, и его собственное терпение. Кузьмич вдруг вспомнил, как в детстве рассчитывал каждую новую деталь игрушки, которой ему не купили. От этого воспоминания говорить с мальчиком стало легче, а спрашивать об отце — труднее.

— Что чинишь?

— Ось сломалась.

— А ремень тут зачем?

— Чтобы не развалилась снова.

— Не поможет. Сломанную ось лучше менять.

Юсуф пожал плечами.

— Новую покупать не на что.

Кузьмич посмотрел на детскую повозку. Доски были стёрты, колёса — вырезаны от руки, одно немного меньше другого. Он ничего не пообещал. Попросил у мальчика кусочек бечёвки, подтянул две доски так, чтобы сломанная ось не от-

ходила, и сказал:

— До завтра поедит. А там подумай, как сделать новую.

— Отец умеет.

— Значит, отец нужен дома.

Юсуф молча покати́л повозку по камням. Коткевич видел, как Кузьмич провожал её глазами, пока из переулкa не исчез кривоватый скрип.

— Вы уже нашли причину молчания Бекира? — спросил он.

— Нашёл одну из возможных.

Они не стали расспрашивать мальчика о чужих делах. От дома направились обратно. У дальней стены стоял тот самый приказчик, которого видели утром возле весов. Он сделал вид, что завязывает шнурок, хотя шнурков на его сапогах не было.

— Теперь смотрят и за ним, — сказал Кузьмич.

Коткевич закрыл блокнот.

— Значит, Бекташев знает больше, чем хочет сказать.

— А кто-то знает, что мы это поняли.

На углу под фонарём шуршал свежий листок. Густая чёрная краска ещё не совсем высохла. Большими буквами было выведено: «НЕ ПРОИЗНОСИ ИМЁН УМЕРШИХ. ТРИ ПЕЧАТИ ОТКРОЮТСЯ».

Кузьмич прикоснулся взглядом к соседней стене, на которой кто-то успел нацарапать маленькую окружность с разрывом.

— Вчера нам показывали только бумагу, — сказал он.

— А сегодня уже царапают стены, — ответил Коткевич.

— Нет, Станислав Михайлович. Сегодня они хотят, чтобы мы видели, как царапают стены. Это большая разница.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

ПОСЛЕДНЯЯ ОПИСЬ

22 сентября 1912 года

Иосиф Ширин боялся не полиции. С полицией он ещё мог выбирать слова. Мать же угадывала ложь по тому, как он ставил чашку на стол.

Утром, собираясь на допрос, он застал её у кухонного стола. Женщина просеивала муку, и на тёмных рукавах у неё лежали две белые полосы.

— Почему ты вчера поздно пришёл?

— Был у следователя.

— Опять из-за Берекета?

— Из-за документов.

— Убили человека, а все говорят о бумагах. Он тебя учил писать правильно. Мог бы кто-нибудь помнить и это.

Иосиф хотел напомнить, что Берекет Исаакович не давал никому ошибаться самостоятельно. Но мать знала покойного дольше, и он промолчал.

— Ты не взял денег из кассы? — спросила она внезапно.

Иосиф вздрогнул.

— Нет.

— Я не про кассу спрашиваю, — сказала мать. — Про долг. Не вздумай платить одним позором за другой.

Иосиф едва не признался. Мать, должно быть, слышала о новой расписке у частного заимодавца. Оставалось назвать сумму — такую, что язык отказывался её произнести. Он предпочёл поцеловать мать в лоб и уйти.

Он поцеловал мать в лоб и вышел, оставив муку оседать на столе. В нагрудном кармане лежала записная книжка. Страница от двенадцатого сентября чуть выступала из переплёта — он несколько раз собирался её вырвать и каждый раз откладывал.

В здании следственной канцелярии пахло бумагой, чернилами и недавно вымытым полом. Добрянский уже сидел за столом, перед ним лежал журнал описи. Коткевич стоял у окна. Кузьмич рассматривал дверную петлю, словно надеялся узнать от неё то, чего человек пока не желал сообщать.

— Прошу садиться, — сказал Добрянский. — Нам нужно восстановить двенадцатое число. Не ваши мнения о Ратманове. Не предположения о покойном. Только кто, когда и что делал.

Ширин сложил руки на коленях.

— Пришёл Андрей Павлович. Было около одиннадцати. Предъявил распоряжение на просмотр хозяйственных вложений пакета. Я показал ему комнату. Берекет Исаакович находился там же, но потом вышел по делу.

— По какому?

— Не знаю. Сказал, что зайдёт к гахамскому столу за письмом. Не к самому гахаму, разумеется, — добавил он то-ропливо. — В канцелярию.

Коткевич попросил уточнить, какие бумаги предназначались для просмотра.

— Несколько старых выписок о соляных доходах. Андрей Павлович говорил, что они нужны для сверки счётов товарищества.

— Вы сами видели выписки?

— Я видел пакет.

— Сколько листов он вынул?

— Не помню.

— Вы наблюдали всё время?

Ширин замолчал.

Добрянский встал и подошёл к шкафу с делами. Кузьмич тем временем закончил разглядывать петлю и занялся листком описи, прикреплённым к планшету.

— Восстановите последний момент, который вы помните точно, — сказал Коткевич.

— Андрей Павлович подошёл к столу. Я принёс журнал. Потом он попросил старый реестр.

— Где лежал реестр?

— В соседнем шкафу.

— Вы отходили?

— На минуту.

— На сколько именно?

— Не знаю. Может быть, на две.

— Когда вернулись, что он делал?

— Рассматривал папку.

— Открытую?

— Нет. Она лежала перевязанная.

Кузьмич теперь оторвался от бумаг.

— А когда успел посмотреть выписки?

— Он сказал, что уже посмотрел и вопросов больше нет.

— И вам показалось это естественным?

Ширин вспыхнул.

— Почему нет? Он был допущен по распоряжению. Я не обязан подозревать каждого человека, у которого в руках бумаги.

— Подозревать не обязаны, — ответил Коткевич. — Надзирать обязаны.

Ширин почувствовал, что может потерять место. До сих пор в его голове существовал удобный порядок вещей: смерть Берекета — несчастье; исчезновение бумаг — чужое преступление; его собственная невнимательность — мелкое нарушение. Теперь Коткевич ставил эти обстоятельства рядом, и нарушение словно росло на глазах.

— Вы хотите сказать, что я позволил украсть?

— Я хочу установить, что вы позволили делать посетителю без вашего наблюдения.

— Но пакет остался!

Эта фраза прозвучала слишком громко. Даже Добрянский

обернулся.

— Вы его вскрывали после ухода Ратманова? — спросил он.

— Нет. У нас не принято вскрывать без причины. Я проверил перевязь, печать и вернул на место.

— Значит, — сказал Коткевич, — вы можете удостоверить только внешний вид.

Ширин беззвучно пошевелил губами. Впервые ему пришло в голову, что он, возможно, подписал официальную ложь, сам того не зная.

Добрянский записал показание без повышенного тона. Коткевич предложил приложить к делу точную формулировку: «Пакет по наружному виду находился на месте; внутреннее содержимое не проверено».

— А прежняя запись? — спросил Ширин.

— Прежняя запись тоже останется, — ответил следователь. — В этом и состоит неприятное свойство архива.

Когда Ширина отпустили, он несколько минут стоял в коридоре. За дверью слышался голос Коткевича:

— Одного этого недостаточно, чтобы обвинить человека в подмене. Но достаточно, чтобы усомниться в сохранности бумаги после осмотра.

Ширин прижал руку к нагрудному карману. Мать называла его тревоги слишком простым словом — долг. Она не знала, что в записной книжке, кроме суммы, был адрес человека, который предложил помочь ему этот долг закрыть.

Человек этот появился в его жизни в тот же день, когда в архив пришёл Ратманов.

В послеобеденное время сыщики отправились к самому управляющему.

Дом его стоял на широкой улице нового квартала, с высокими окнами и аккуратной чугунной оградой. В прихожей висели два полотна с морскими видами, а на столе лежал свежий выпуск одесской газеты. Все предметы говорили о человеке, не склонном ждать, пока жизнь принесёт ему удобства сама.

Ратманов оказался старше, чем думал Коткевич по размашистой подписи, и моложе, чем следовало бы судить по размеренности его речи. Лицо было открытое, слегка усталое, руки — крепкие. На большом пальце правой руки виднелась старая царапина, слишком давно зажившая, чтобы иметь отношение к преступлению.

— Рад, что вы пришли сами, — сказал он. — Не люблю, когда между деловым человеком и расследованием ставят ненужные преграды. Чем могу помочь?

— Начнём с двенадцатого сентября.

— Разумеется. Мне уже говорили, что бедный Иосиф допустил оплошность. Он молодой человек, не следовало оставлять его одного с такой ответственностью.

— Но он оставил одного вас, — заметил Коткевич.

Ратманов улыбнулся не сразу.

— Понимаю. Конечно, оставил. На короткое время. Я же

не соби́рался уно́сить семе́йные бума́ги под па́льто.

— Вы приходи́ли с портфе́лем?

— С обы́чным доро́жным. Без него́ я ре́дко выезжа́ю по де́лам. В нём, е́сли поже́лаете, на́йдете́ сче́та, пи́сьма поста́вщиков и неприя́тно бо́льшие су́ммы за пере́возку соли. Вот всё, что я прячу́.

Кузьми́ч, кото́рому портфе́ль не показа́ли, спроси́л:

— А да́вно занима́етесь со́ляным де́лом?

— Доста́точно да́вно, что́бы пони́мать: со́ль — дешёва́я то́лько на столе́. Пре́жде чем попаде́т туда́, не́сколько че́ловек до́лжны испо́ртить се́бе спину́.

О́твет по́нравился Кузьми́чу про́тив во́ли. У́правляющий я́вно зна́л не то́лько сче́та, но и ра́боту. Ра́тманов ра́сказа́л о не́скольких но́вых наве́сах, о рабо́чих се́мьях, кото́рым во вре́мя пло́хого се́зона́ помо́гал сре́дствами, о доро́ге, отре́монтиро́ванной за сче́т това́рищества. На́звал су́ммы. Не хва́стался — ско́рее пере́числя́л хозя́йственны́е обстоя́тельства, кото́рые хоро́ший у́правляющий обяза́н по́мнить.

— Что́ имен́но бы́ло в па́кете? — спроси́л Котке́вич.

— Ста́рое распо́ряже́ние, по слуха́м, Бобо́вича, и не́сколько связа́нных с ним вы́писок. Са́м я ни́когда́ не де́ржал в ру́ках по́длинного за́веща́ния. Чи́тал то́лько бума́ги, отнóсящи́еся к хозя́йству, и то́ под на́дзором.

— По́д на́дзором Ши́рина?

— По́ка он не вы́шел за ре́естром.

— Вы́ уже успе́ли всё про́читать к его́ возвра́щению?

— Я искал определённую дату. Для этого необязательно читать семейную сагу от рождения первого предка.

— Какую дату?

— Тысяча восемьсот пятьдесят четвёртый год.

Коткевич отметил это. Ратманов предоставил дату охотно, словно она не представляла для него никакой опасности.

— Вы предполагаете, что семейный документ влияет на нынешние права товарищества?

— Старый документ может помешать современной сделке, если кто-то ошибочно приписывает ему силу, которой он не имеет. Я хотел проверить именно это.

— У вас есть копии?

— У меня есть деловые бумаги. Надеюсь, вы не станете требовать все из-за одного несчастного старика.

— Я стану просить местного следователя истребовать то, что имеет значение для дела.

Ратманов кивнул.

— Вот видите. Порядок существует не зря.

Кузьмич посмотрел на отполированные сапоги управляющего. Их мыли тщательно. Белой соли на коже не было; впрочем, после трёх дней это ничего не значило. Он спросил, часто ли Ратманов ездит к промыслам сам.

— Каждый день, когда я там нужен.

— А вечером?

— И вечером случается.

— В девятнадцатый день?

— Вечером девятнадцатого я был по делам и вернулся домой поздно. За подробностями лучше обратиться к моему кучеру. Память о дорогах у кучеров превосходит память их хозяев.

Ответ был осторожен. Ратманов назвал кучера, но не сказал, где именно находился вечером.

Разговор прервался, когда в кабинет внесли письмо. Ратманов прочёл его и помрачнел. Коткевич заметил, как он быстро перевернул конверт печатью вниз, прежде чем положить на стол.

— Важные дела? — спросил сыщик.

— У одного из рабочих умерла жена. Оставила двоих. Придётся решить, как поступить с выплатами. Не всё ведь считают в балансе.

Он не стал рассказывать дальше. Кузьмич уловил в голосе неподдельное раздражение на обстоятельства, которые нельзя исправить одним распоряжением.

После прощания Ратманов сам проводил гостей до дверей.

— Мне бы хотелось, чтобы вы нашли убийцу, — произнёс он. — И чтобы при этом не погубили невиновного. Город любит поспешные выводы.

Коткевич посмотрел на него внимательно.

— С этим я вполне согласен.

Выйдя, Кузьмич сказал:

— Умеет говорить.

— Он управляющий. Иначе у него не было бы работы.

— Не только говорить. Он знал рабочего по имени и сразу понял, кому надо помочь.

— Откуда вы знаете, что поможет?

— Не знаю. Но письмо его задело. Он ещё не успел подумывать, что мы смотрим, а уже рассердился.

— От этого подозрения не исчезают.

— И не появляются.

Они ещё не покинули хозяйственный двор Ратманова, когда у ворот задержалась женщина с двумя детьми. На старшем мальчике был мешковатый пиджак, младшая девочка держала за руку брата. Женщина назвала имя рабочего, погибшего зимой при разгрузке тяжёлой тары, и попросила поговорить об обещанной помощи.

Ратманов сперва раздражённо посмотрел на конторщика, который позволил ей войти без предварительной записи. Потом присел перед детьми, спросил их возраст и велел принести из кассы небольшую сумму, не оформляя её как ссуду. Женщина долго благодарила, а управляющий остановил её жестом.

— Не надо. Лучше добейтесь, чтобы старший ходил в школу, а не на склад.

Кузьмич видел эту сцену от начала до конца. Ему стало неприятно, что присутствие сыщиков могло сделать помощь более щедрой. Но и отказывать детям в полученных деньгах, чтобы очистить картину для следствия, было бы нелепо.

— Доброго человека всё-таки и по делу судить трудно, — произнёс он, когда они вышли на улицу.

— По делу и надо судить, — ответил Коткевич. — Судить человека целиком никто нас не приглашал.

— Но вы же понимаете: если Ратманов виноват, его помощь настоящая, не нарисованная.

— Понимаю.

— А если Ширин виноват, его долг тоже настоящий. Удобно всё у нас устроено. Каждому достаётся по правде, только правды между собой не согласуются.

Коткевич остановился. Он предпочитал дело, в котором благотворительность не вмешивалась в следственные предположения, но редко получал то, что предпочитал.

— Нас интересует, что люди сделали, Кузьмич. Для добрых и дурных я ещё не нашёл отдельной описи.

Кузьмич посмотрел на дорогу, где двое работников возвращались с пустыми тележками.

— Тогда не забудьте записать и этот.

Коткевич записал. Впоследствии он будет благодарен себе именно за эту запись: она помешает сделать из Ратманова картонную тень, когда улики начнут складываться против него.

Вторую половину дня Коткевич провёл с Берекетовыми записями. Там были суммы, даты, фамилии получателей бумаги и замечания, сделанные рукой самого хранителя. Тяжёлые слова о подлинности соседствовали с простыми: «пере-

плёт ослаб», «пыль у корешка», «правый конец к букве». В одном месте не хватало обрывка листа. В другом старая карандашная отметка была затёрта до серого пятна.

Кузьмич раздобыл чистую тесёмку и попросил у старого переплётчика показать несколько распространённых способов перевязи документов. Он не хотел трогать архивный пакет; ему требовалось понять, какие следы возникают, когда человек развязывает старый узел и затем старается вернуть всё на место.

— Узел бывает прежний, если его не развязали, — сказал мастер. — А если развязали, можно связать такой же. Только волокна уже не лягут туда, где были.

— А если готовую папку заменить другой?

— Можно и папку заменить. Но тогда надо знать, как первая была сшита.

— Чтобы не заметили?

Переплётчик подумал.

— Чтобы не заметили сразу.

Кузьмич поблагодарил. Он не знал, пригодятся ли слова мастера, но запомнил вторую половину ответа.

В канцелярии Добрянский сообщил, что утром Ширина вызовут повторно. Ночью один из соседей слышал, как молодой служащий спорил с неизвестным из-за денег. Ещё нашлось свидетельство: перед последней проверкой пакета Ширин ездил на окраину города к человеку, известному ростовщическими делами.

— Значит, у него был мотив, — сказал Коткевич.

— Мотив для чего? — спросил Кузьмич.

— Для хищения, если нуждался в деньгах.

— Бумага не всегда деньги. Иногда бумага только обещает, что деньги когда-нибудь будут.

— Вы полагаете, это исключает подозрение?

— Нет. Я полагаю, оно пока не объясняет, зачем убили старика.

Коткевич не стал спорить. Он записал в блокнот имя Ширина и дважды подчеркнул его. Кузьмич увидел подчёркивание и ничего не сказал.

Вечером Ширин вернулся домой раньше обычного. Мать сидела у лампы с шитьём. Он сообщил, что завтра у него снова будут спрашивать о деньгах. Женщина не спросила за чем; положила иглу и вышла в соседнюю комнату.

Иосиф достал свою записную книжку. На странице от двенадцатого сентября был адрес, записанный мелко и поспешно. Возле него — сумма долга и два имени. Одно из них он не желал показывать сыщикам, потому что знал: как только фамилия появится в официальной бумаге, к нему придут кредиторы.

Он вырвал страницу. Бумага поддалась неровно, оставив у корешка узкий хвостик, на котором сохранилось начало даты.

Иосиф поднёс лист к пламени, но не сжёг. Положил под донышко жестяной коробки с домашними квитанциями. По-

том закрыл записную книжку и долго сидел неподвижно, глядя на пустое место.

На улице простучали колёса. За воротами тихо остановился человек. Ширин выглянул в окно и увидел знакомую фигуру в тёмном пальто.

Посетитель не постучал. Поднял два пальца, задержал руку перед стеклом и ушёл. Иосиф смотрел ему вслед, пока в тёмном проёме ворот не осталось ничего, кроме ветки лозы.

Наутро Ширина должны были вновь спросить о последнем осмотре.

Иосиф закрыл ставню. До следующего допроса оставалась ночь, а ответа, который не повредил бы никому, он так и не придумал.

ГЛАВА ЧЕТВЁРТАЯ

ТРИ РАЗОМКНУТЫХ КОЛЬЦА

23 сентября 1912 года

Круги нарисовали ночью на двери, которой днём пользовались только для того, чтобы выносить мусор.

Дверь была дубовая, почерневшая у нижнего края от дождевой воды и времени. Три окружности, похожие на печати, расположили одна над другой. Каждая была разорвана коротким пробелом, но разрывы находились не на одной прямой: верхний смотрел вправо, средний вниз, нижний влево. Нарисовано это было чёрным веществом, которое ещё пахло густой масляной краской.

Смотритель соседнего двора отказался прикасаться к дереву. Он вообще не желал находиться рядом с дверью и говорил, не глядя на неё.

— Такого знака здесь никогда не было.

— Откуда же вы знаете, что он опасный? — спросил Кузьмич.

— Разве безопасные знаки рисуют ночью?

— Некоторые вывески вывешивают утром. Бывает, опаснее.

Смотритель не понял шутки и лишь сильнее отступил.

Добрянский распорядился снять точные размеры изображения, описать состояние краски и опросить людей, ночевавших поблизости. Коткевич изучил дверь. Поверхность трёх окружностей имела одинаковую ширину, линия слегка прерывалась там, где кисть встречала выступ волокна. Нарисовать от руки три столь сходных круга было трудно.

— Трафарет, — сказал он.

— Или рука человека, который этим зарабатывает, — возразил Кузьмич.

— Каким ремеслом?

— Вот это и выясним. Но слишком рано выбирать между кистью и трафаретом.

Их разговор прервал пожилой сосед, принёсший новость, что на рыбном рынке уже объяснили значение символа. Верхний круг обозначал прошлое, средний — настоящее, нижний — будущую смерть. Сосед сообщил эту систему так

убедительно, будто сам когда-то учился у основателя древнего культа.

— Кто вам сказал? — спросил Коткевич.

— Люди.

— Какие?

— Разные.

— Значит, ни одного назвать не можете.

— Зачем же им неприятности?

Сыщик впервые понял, что слух уже начал управлять поступками горожан. Люди были готовы сообщать подробности о проклятии, но не имена тех, от кого их слышали.

Саул, сторож архива, тем временем перестал выходить из дома. У его ворот ночью тоже оставили клочок бумаги со знаком. Кто-то велел ему молчать о голосе, потому что «мертвец знает, кто смотрел в окно». Старик отправил бумагу Добрянскому через соседского мальчика, но сам являться отказался.

— Вот теперь, — сказал Кузьмич, — у нас появился человек, которому знак нужен не для разговора о древностях.

Коткевич хотел отвести сторожа к следователю немедленно.

— И устроить ему ещё один повод бояться, — возразил Кузьмич. — Он услышал то, во что сам не верит, а теперь хочет, чтобы другие не заставляли его об этом вспоминать. Надо сначала прийти к нему домой.

Они так и сделали.

Саул встретил гостей без привычной шапки, в расстёгнутом жилете. За ним стояла дочь, женщина с твёрдым лицом, которое выдавало три бессонные ночи.

— Отец не пойдёт никуда, — объявила она.

— Мы пришли не вести его, — сказал Коткевич. — Мы хотим уточнить одно обстоятельство.

— После вашего уточнения на двери появился знак. Хотите, чтобы после следующего появилась могила?

Коткевич отвернулся. Он не любил, когда заботу о безопасности предлагали взамен показаний, но не мог оспорить связь событий. Старик на допросе рассказал о странном голосе; на следующую ночь кто-то напомнил ему об этом со стены собственного дома.

Кузьмич спросил разрешения посмотреть бумагу. Дочь принесла её щипцами из печной золы: сжечь не решилась, хранить открыто было страшно.

— Вы читали её кому-нибудь? — спросил он.

— Нет.

— А почему край обгорел?

— Я пыталась бросить в огонь. Отец закричал, что нельзя уничтожать проклятые вещи.

— Разумная осторожность, — сказал Кузьмич. — Следовательно теперь будет легче доказать, что бумага действительно была у вас.

Он не шутил. Старик медленно опустил глаза, как человек, которому неожиданно позволили сохранить достоин-

ство.

— Вы слышали голос, — сказал Кузьмич, — но не видели человека, который говорил. Это важно. И будет важно, даже если все в городе завтра решат, что к вам приходил сам покойник.

— Я никогда не говорил, что видел его, — тихо ответил Саул.

— Вот и держитесь этого. Мы можем сомневаться в голосе. В вашем слухе и вашей честности сомневаться без причин не станем.

Когда они вышли, Коткевич признал:

— Я мог бы задать эти вопросы менее грубо.

— Могли бы. Но тогда пришлось бы спрашивать их дважды.

Затем Кузьмич добавил уже серьезно:

— Станислав Михайлович, если кому-то понадобилось молчание сторожа, значит, сторож рассказал нам не пустяк. Пусть сам не знает какой.

На обратном пути от дома сторожа Коткевич с Кузьмичом прошли через базарную часть старого города. Шум здесь был другой, чем в новых кварталах. Из мастерских выбегали подмастерья, с открытых лотков пахло виноградом, кожей и горячим тестом. За одной створкой ворот слышался звон молотка по меди, за другой женщина уговаривала ребёнка перестать спорить с дедушкой.

Один мастер, чинивший дверные петли, рассказал, что

ночью видел человека с небольшим деревянным ящиком. Тот шёл быстро, прикрывая груз полой плаща. Мастер не утверждал, что ящик имел отношение к архиву, и настойчиво просил не записывать его имя как имя свидетеля преступления.

— Вы видели лицо? — спросил Кузьмич.

— Нет. Было темно.

— Откуда шёл человек?

— Со стороны двора, возле которого теперь рисуют круги.

— В какую сторону?

Мастер показал. Выходило, что незнакомец мог пройти мимо нескольких других ворот, не встретив ни души. Коткевич проверил путь сам. В двух местах стояли высокие стены; одно окно выходило на улицу так низко, что наблюдатель из комнаты заметил бы только плечи прохожего.

За третьими воротами их остановила женщина, державшая на руках младенца.

— Вы из полиции? — спросила она.

— Помогаем следствию, — сказал Коткевич.

— Тогда скажите вашим господам, чтобы не приходили сюда спрашивать о проклятии. После каждого разговора возле ворот всё новые люди. У меня старик лежит больной; ему уже трижды сказали, что на следующую ночь придут мертвецы. Сколько раз человеку нужно услышать глупость, чтобы заболеть от страха?

Кузьмич спросил, кто приносил эти вести. Женщина на-

звала соседского мальчишку, мальчишка — торговца, торговец — неизвестного прохожего. Следы слуха вели не к месту, а к очередной речи.

Коткевич попросил Добрянского установить наблюдение в ближайших проходах, но следователь резонно напомнил, что несколько городских не могут охранять каждую дверь Евпатории. Пришлось выбирать: постоянный пост у уже известного свидетеля или наблюдение за местом, где неизвестный может снова нарисовать знак. Они выбрали защиту свидетеля. Так слух на время выиграл другую улицу.

— Вы сделали правильный выбор, — сказал Кузьмич.

— Это мы узнаем, если завтра кто-нибудь жив останется, — ответил Коткевич.

Шутка прозвучала мрачнее, чем он хотел. Кузьмич не улыбнулся. Он видел мальчика у хлебного лотка: тот рисовал пальцем на пыли три круга, а его товарищи с удовольствием шарахались в стороны. Страх уже становился детской игрой, и от этого казался только опаснее.

После полудня они встретились с Алимей Сейдалиевой в небольшой комнате, где она занималась с учениками. Девочки переписывали русские и татарские слова в тетради, два мальчика спорили о переводе торгового объявления. На подоконнике стоял кувшин воды. Бледная полоска соли отмечала место, где раньше лежала мокрая ткань.

Алиме попросила подождать, пока закончится урок. Кузьмич честно воспользовался ожиданием: сел на последнюю

скамью и наблюдал, как один из учеников старательно переписывает слово, хотя ему явно неизвестно его значение.

— А вы ему скажете? — спросил он позднее.

— Спрошу, почему он выбрал именно это слово.

— Он ведь может сказать первое, что придёт в голову.

— Может. Тогда я пойму, чего он не знает.

Коткевич положил на стол зарисовку знака.

— Не встречали подобного в старых текстах?

— Круги встречаются повсюду, — ответила Алиме. — Камень, дерево, ткань, медь. Кольцо ещё не значит, что у него одно и то же происхождение. Где нашли?

— На деревянной двери.

— Вчера там ничего не было, — сказала она. — Я проходила.

— Уверены?

— Я смотрела на дверь. На ней висело объявление об аренде склада. Сегодня вместо объявления у вас древний культ. Быстро работают древние народы.

Кузьмич улыбнулся. Алиме тоже, но сразу стала серьёзной.

— Вы понимаете, что вслед за этим в городе начнут искать людей, которым можно приписать любой незнакомый знак? Вчера уже спрашивали у моих учеников, умеют ли их отцы «читать проклятые кольца».

— Мы никого не обвиняем, — сказал Коткевич.

— Вы не обвиняете. Но если позволите слуху стать назва-

нием дела, обвинять начнут без вас.

Алиме предложила искать не «перевод знака», а его первое применение — в хозяйственных планах, старых письмах, узорах на вещах. Коткевич убрал карандаш. Он явился за объяснением незнакомого рисунка; оказалось, сперва следовало доказать, что это вообще знак.

В это время появилась Ривка Левина с целой пачкой разных объявлений. Она собрала их у лавок и домов, записав, кто и когда видел каждый. Отдельно отметила, где буквы написаны от руки, а где оставлены следы воспроизведения с общей формы.

— Значит, у нас три изготовителя? — спросил Коткевич.

— Не обязательно. Один человек мог писать от руки и делать оттиски. Вот здесь одинаково повреждённая буква: верхний край словно срезан. На двух листках из разных кварталов повреждение повторяется.

— И что это доказывает?

— Либо кто-то использовал один набор, либо перенёс на разные листы копию одного образца. А если это розыгрыш, приготовили его заранее.

Алиме взяла два листка и сравнила их. В поддельном «древнем изречении» один и тот же оборот повторялся с разными окончаниями, будто составитель выбирал звучание, а не смысл.

— Это не перевод, — сказала она. — Это представление о переводе.

— Можно напечатать? — тут же спросила Ривка.

— Вы сначала покажите текст мне. А то сделаете из меня толковательницу проклятий, и ученики откажутся учить правописание.

Ривка недовольно сложила листки. Заголовок «Древний знак разоблачён!» придётся пока оставить в ящике с ненабранными объявлениями.

Когда Коткевич попросил Алиме назвать людей, знавших старые хозяйственные планы промыслов, та обещала узнать, но не раньше, чем убедится, что их не объявят пособниками смерти. За таким обещанием стоял личный риск. Коткевич не стал требовать имени немедленно.

Кузьмич поправил криво повешенную карту у двери. Ему нравились люди, которые умели не выдавать догадку за знание.

Когда Алиме вернулась с занятий, у её двери стояла соседка Фатме-апте. Она держала в руках миску с ещё тёплой лепёшкой и говорила так, будто боялась, что стены станут повторять услышанное.

— Зачем к тебе ходят сыщики?

— Спрашивают о словах.

— О каких?

— О чужих, которые кто-то называет нашими.

Фатме-апте вздохнула. Её племянник служил писцом у торговца и уже успел услышать, что за странными кольцами стоят «знающие тайну люди». Теперь соседи начали загля-

дывать во дворы и спрашивать, кто умеет читать непонятные знаки. Алиме не могла ответить на это ни одной точной справкой: подозрение не нуждалось в справках.

— Ты им сказала, что это не наши дела?

— Сказала, что не знаю такого обряда и что надпись составлена плохо. Больше я доказать не могу.

— Они захотят доказательств. А когда не найдут, скажут, что мы их спрятали.

Фатме-апте погладила край миски большим пальцем. — Вчера возле нашего колодца перестали разговаривать, когда я подошла. Никто ничего не сказал, а мне весь день казалось, будто сказали. — Алиме смотрела на муку под ногтем соседки и понимала, что в городе, который привык различать людей по именам и семьям, для беды иногда довольно чужого молчания.

Алиме поставила миску на стол. Страшило её не привидение, а то, как легко чужое предположение становится разрешением подозревать соседа.

На столе лежали детские тетради. Один мальчик нарисовал на полях три окружности, а рядом приписал: «Не говорить имён». Алиме закрыла тетрадь и решила завтра начать урок не с грамматики, а с простого вопроса: что мы знаем сами и что лишь повторяем за другими?

Когда пришла мать ученика, Алиме ещё держала тетрадь раскрытой. Женщина просила не говорить в классе о проклятии: мальчик спал плохо, просыпался от любого стука.

Алиме пообещала не пугать детей. Но отказаться объяснять разницу между слухом и свидетельством не могла. Даже если родители потребуют убрать этот урок.

Вечером новые обстоятельства возникли совсем не там, где их ждали. Ривка принесла старый альбом с изображениями крымских надгробий и архитектурных деталей. Альбом принадлежал её отцу, покупавшему разрозненные листы у торговца бумагой. На одной странице — не подписанной и не датированной должным образом — имелся рисунок каменной плиты с несколькими окружностями.

— Вот, — объявила Ривка, — видите? Почти наш знак.

Коткевич положил рядом чертёж с двери. Сходство действительно бросалось в глаза. Три круговые линии, одна над другой. Но на старом изображении окружности были замкнуты, а их диаметры различались. Кроме того, верхняя имела внутри маленькую точку.

— Почти, — повторил Коткевич.

— Старые рисунки всегда неточны.

— Именно поэтому по ним нельзя доказывать точность.

Кузьмич наклонил альбом к лампе.

— А подпись где?

— Отрезана, когда переплетали.

— Где плита?

— Не знаю.

— Кто рисовал?

— Не знаю.

— Когда?

— Не знаю.

— Зато знак древний, — заключил Кузьмич. — Люблю прочные доказательства.

Ривка обиделась.

— Вы смеётесь, а ведь кто-то мог видеть этот альбом до нас.

— Вот это, — сказал Коткевич, — гораздо разумнее. Не будем решать, древний знак или нет. Сначала узнаем, кто имел возможность скопировать рисунок.

Он попросил оставить альбом в распоряжении следствия для описания и проверки происхождения. Ривка согласилась неохотно, потребовав расписку; Добрянский оформил её без малейшего удивления. В типографии, как и в суде, чужая бумага должна иметь след.

Когда сыщики покидали двор, Ривка задержала Кузьмича.

— Скажите, вы верите, что это мог быть настоящий знак?

— Верю, что круги кто-то нарисовал.

— Вы всё сводите к очевидному.

— Нет. Очевидное обычно и стараются быстрее всего спрятать.

Уже на улице Коткевич заметил на стене напротив дома небольшое свежее пятно чёрной краски. Оно казалось случайной отметкой, пока не подойти ближе. Тогда становилось ясно: это начало круга, незаконченного потому, что художника, вероятно, кто-то спугнул.

Но рядом, на старом камне, сохранялась другая линия — серый след почти исчезнувшей царапины. Кузьмич провёл взглядом по её изгибу и нахмурился.

— Что-нибудь заметили? — спросил Коткевич.

— Пока нет. Но кто-то здесь упражнялся до нынешней ночи. На дереве он уже работал уверенно.

— Значит, рисунок готовили заранее.

— Или давно умеют рисовать окружности. Сначала одно докажем, потом другое.

На улице Коткевич перечитал свои записи. По словам Алиме, у знака не было установленного смысла. Ривка принесла рисунок неясного происхождения. Саул же боялся людей, способных оставить метку у его двери.

Под домами стояла тёплая вечерняя пыль. Коткевич заметил, что дверь Саула была видна с дороги; к ней можно было подойти незаметно, но уйти без свидетелей — труднее.

Поздно вечером к Ривке пришёл посыльный с просьбой напечатать отдельный лист: «Древний знак карает клятвопреступников». Заказчик имени не назвал, деньги предлагал вперёд.

Девушка прочла текст, сверила странное слово с замечаниями Алиме и отказалась. Посыльный пожал плечами и ушёл.

Утром стало известно, что то же объявление появилось на четырёх воротах.

И на каждом было три разомкнутых кольца.

ГЛАВА ПЯТАЯ

ЧЕЛОВЕК С КЛЮЧОМ

24 сентября 1912 года

В Евпатории можно было за один день потерять хорошее имя и за двадцать лет не успеть вернуть.

Иосиф Ширин понял это, когда его перестали приветствовать у булочной.

Продавец, прежде всегда оставлявший ему вчерашний хлеб дешевле, теперь долго перебирал монеты, словно опасался получить фальшивую. Две женщины за спиной Иосифа замолчали при его появлении и заговорили, стоило ему выйти. Не произнесли ни одного обвинения; просто впервые в жизни он услышал, как выглядит собственная фамилия в чужом шёпоте.

Добрянский положил перед Шириным расписку о выдаче запасного ключа от наружной служебной двери. Девятнадцатого сентября служащий взял ключ для работы с хозяйственными записями и, согласно журналу, вернул только на следующий день, уже после обнаружения тела.

— Почему не вернули вечером девятнадцатого? — спросил судебный следователь.

— Не успел.

— Дело закончили до закрытия?

— Да.

— Следовательно, могли вернуть.

— Мог. Но забыл.

— Где ключ лежал ночью?

— Дома.

— Кто это подтвердит?

Ширин стиснул зубы. Он пришёл домой поздно и, не желая будить мать, прошёл через заднюю дверь. Женщина, у которой он снимал маленькую комнату при родительском доме, в ту ночь ночевала у сестры. Никто не мог сказать, когда он лёг и когда встал. А ключ лежал в его кармане, и эта простая железная вещь вдруг стала выглядеть тяжелее всех бумаг Бобовича.

— Вот почему мне нужен был доступ к бумагам, — пробормотал он. — Убирал переплёт.

— К которым посетителей не допускают? — уточнил Коткевич.

— Разумеется, не допускают.

— Однако управляющего Ратманова вы на несколько минут оставили без наблюдения.

— Вы опять об этом.

— Пока вы не объясните нарушение, буду спрашивать.

Ширин обернулся к Добрянскому:

— Мне нужен защитник?

— Вы допрашиваетесь о фактах, которые вам известны. Право воспользоваться законной помощью я вам не отказываю. Но прежде советую не сочинять ответов, чтобы они казались красивее действительности.

Ширин сглотнул. Он мечтал выйти из комнаты и потому отвечал всё поспешнее, не замечая, что сам делает каждую следующую фразу подозрительной.

Коткевич положил перед ним вырезанный из журнала список служебных обязанностей.

— Вы могли входить в хозяйственный проход после закрытия?

— Да, если у меня ключ.

— Кто ещё имел такой ключ?

— Берекет Исаакович. Саул. Временно выдавали посетителям под роспись, но не от архива, а от прохода.

— Ратманову выдавали?

— Нет. Его впускали, когда он приходил по делу.

— В ночь смерти Берекета?

— Не знаю.

— Вы утверждаете, что не знаете, или не хотите отвечать?

— Не знаю! — крикнул Ширин. — Почему вы не спрашиваете о нём? Я видел, как он приходил. Почему вся беда моя?

Коткевич посмотрел на него без неприязни.

— Потому что сегодня вы тот человек, который сидит передо мной и умеет объяснить собственные действия. Когда передо мной будет Ратманов, я спрошу его.

Кузьмич, сидевший возле печи, поднялся.

— Можно ещё один вопрос?

Ширин безнадёжно кивнул.

— Вы вчера принесли домой книжку, вырвали лист и спрятали. Зачем?

Теперь Иосиф побелел. Добрянский перевёл взгляд на Кузьмича: тот успел получить сведения от соседа Ширина, заметившего утром вырванный бумажный уголок, и не стал представлять наблюдение как знание об уничтоженном документе.

— Мне известен только факт, что в вашей книжке не хватает страницы, — поправился Кузьмич. — Остальное — предположение. Я хочу знать, почему вы считаете страницу опасной.

— Она личная.

— Тогда так и скажите. Личные бумаги бывают куда неприличнее уголовных дел.

Кузьмич улыбнулся, но Ширин не улыбнулся в ответ.

Коткевич попросил Добрянского оформить проверку места хранения записной книжки законным порядком. Ширин молча подтвердил, что книжка дома. Сам принести её отказался: боялся, что следователи увидят ещё не найденное.

После допроса Коткевич вышел на крыльцо. Город был залит солнцем. С улицы доносились крики торговцев, колотушка жестянщика и детский смех. Никакая погода не помогала связать эти звуки со смертью Берекета.

— Видите? — сказал Коткевич. — У Ширина был ключ, имелась нужда в деньгах, он скрывал записи и нарушил правила надзора. Это уже система.

— Система чего? — спросил Кузьмич.

— Поведения человека, способного на хищение.

— На хищение, может быть. Но не на убийство.

— У нас одно дело.

— Одно дело может содержать два преступления. И даже трёх людей, если повезёт.

Коткевич возразил, что разъединять связанные обстоятельства без оснований тоже опасно.

— Конечно, — согласился Кузьмич. — А соединять только потому, что они лежат в одной папке, ещё опаснее.

Это был тот редкий случай, когда собеседник говорил нечто разумное и тем самым раздражал Коткевича сильнее обычного.

Он попросил Добрянского установить место хранения ключа и происхождение вырванной страницы. Но в записной книге уже зияла дыра, а адреса кредиторов могли выводить на более широкий круг людей, чем само похищение. Коткевич ещё не знал, что каждая дополнительная гипотеза о Ширине укрепляет его уверенность в общей версии.

К полудню пришли новые показания.

Мужчина, известный займами под расписку, подтвердил: Ширин действительно задолжал деньги. Срок платежа истек через два дня. Кредитор не желал говорить, зачем в один из вечеров посылал к должнику помощника, но в подробностях описал размер долга. От подобных подробностей на счёте возникал стыд не меньший, чем от самого займа.

Добрянский аккуратно записал сведения. Коткевич подумал, что нужда легко превращает мелкую небрежность в умышленную измену. Перед глазами вновь возникла пустая папка.

— Мог ли Ширин получить за её подмену деньги? — спросил он.

— Мог, — ответил Кузьмич. — Или мог получить за то, что одолжил ключ. Или взял совсем за другое дело. Способов заработать на глупости больше, чем на преступлении.

— А вы всё не хотите видеть очевидного.

— Хочу. Потому и прошу не добавлять к нему невидимого.

В середине дня Коткевич решил ещё раз посетить Ратманова. Он не видел в этом необходимости раскрывать управляющему подозрения в отношении Ширина, но хотел проверить, какие обстоятельства осмотра тот помнит независимо от служащего.

Ратманов принимал на улице перед своим складским двором. На его глазах двое рабочих поднимали тяжёлую балку, а третий пытался убедить их делать это иначе. Управляющий сам взялся за один конец, поставил балку на место и лишь затем подошёл к гостям.

— Если рабочему оставить всю тяжесть, он когда-нибудь бросит работу, — сказал он, вытирая ладонь платком. — А если управляющему оставить одни бумаги, он забудет, за что получает деньги.

Кузьмич увидел, что этот человек действительно умеет работать. Отрицать было бы несправедливо.

— Сожалею о положении Ширина, — сказал Ратманов, когда узнал о новом допросе. — Он неплохой служащий. Но если в документах беспорядок, невнимательность одного человека может погубить многих.

— У вас к нему были денежные дела? — спросил Коткевич.

— У меня денежные дела едва ли не со всем городом. Но лично Ширин мне ничего не должен. Я даже не знал, что он в затруднении.

— В прошлый раз вы говорили, что не видели внутреннего содержания пакета.

— Верно.

— Вы просили реестр, потом служащий вышел за ним, а вы закончили осмотр раньше, чем он вернулся.

— Он отсутствовал недолго.

— Достаточно, чтобы вы успели сложить бумаги и завязать папку?

— Достаточно, чтобы увидеть искомую дату, — поправил Ратманов. — Берекет Исаакович был поблизости. Не стану утверждать, что он видел каждое движение моей руки. Но почему при живом хранителе мне потребовалось бы изображать похитителя?

— Мы пока не знаем, когда именно из папки вынули документы, — сказал Коткевич.

Ратманов слегка приподнял голову.

— Вы ведь проверяете вечер его смерти?

— И всё, что предшествовало этому вечеру.

— Тогда желаю успеха. Чем больше проверите, тем меньше придётся гадать.

Он направил гостей к приказчику, который мог удостоверить несколько его поездок. На прощание добавил:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.